

Демократическая плаха и экономический топор

*Рецензия на книгу:
Стефан Коллини. Зачем нужны
университеты?*

А. И. Любжин

Статья поступила
в редакцию
в июне 2016 г.

Любжин Алексей Игоревич
доктор филологических наук, научный
сотрудник отдела редких книг и руко-
писей Научной библиотеки МГУ. Ад-
рес: 103073, Москва, ул. Моховая, 9.
E-mail: vulture@mail.ru

Аннотация. Подробно проана-
лизировав суждения автора книги
по основным затронутым в ней во-
просам — о функциях современно-
го университета, о сотрудничестве
и конкуренции, о «всепожирающей
культуре аудита», о характере и смыс-
ле гуманитарных наук, об оценке ка-

чества гуманитарных исследований,
об импакт-факторе, о финансиро-
вании университетов, — рецензент
заключает, что очень многое в ней
показалось ему описанием совре-
менной ситуации с высшим образо-
ванием в РФ.

Ключевые слова: высшее обра-
зование, университеты, институци-
ональная автономия, глобализация,
рейтинги, импакт-фактор, конкурен-
ция, гуманитарные науки, финанси-
рование образования.

DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-276-289

Первое впечатление от книги — автор тщательно расчищает ин-
теллектуальную площадку для своего дальнейшего рассужде-
ния. Отметив этот факт, мы не будем больше к нему возвращать-
ся и опишем сумму идей книги, как она нам видится, затрагивая
упомянутый аспект лишь в самых исключительных случаях. Функ-
ции, которые автор приписывает университету, таковы: «1. Обес-
печивать ту или иную форму высшего образования, которое в ка-
ком-то смысле не ограничивается просто профессиональным
обучением. 2. Развивать новую форму передового исследова-
ния или научной работы, характер которой не до конца дикту-
ется необходимостью решать непосредственные практические
задачи. 3. Осуществлять такие виды деятельности в одной дис-
циплине или четко определенном секторе дисциплин. 4. Поль-
зоваться определенной формой институциональной автономии,
по крайней мере в том, что касается интеллектуальной деятель-
ности». Университеты — существа коварные; они легко уходят
от бюрократического контроля (достижение их образователь-

ных и исследовательских целей невозможно, если противиться внутренней логике их существования), и они сами возвращают своих работников: этим могут заниматься и другие, но у тех это деятельность побочная, а у университетов — основная. Больше всего университеты похожи на музеи (что для иначе настроенных людей выглядит как консерватизм, самодовольство и обращение в прошлое). Расширение познания должно оставлять место для сложного и чуждого. И противоречие между совокупностью признаков университета полвека тому назад и ныне, когда слово «национальный» во всех контекстах вытесняется словом «глобальный», не вызывает у автора энтузиазма применительно к сегодняшнему дню.

Обсуждение университетов оказалось отягощено «синдромом рейтингов». «Национальное самолюбие, всегда тщеславное и ветреное, все больше связывается с наличием университетов, которые могли бы выступить в роли достойных конкурентов для американских локомотивов образования». При этом даже не ставится вопрос, «а хорошо ли служит целям местного населения та же норвежская или швейцарская система высшего образования». Научная жизнь стала глобальной задолго до разговоров о глобализации — в жизни университетов сотрудничество много важнее, чем конкуренция. «Отвлеченная, утонувшая в цифрах и помешавшаяся на аудите и грантах жизнь большинства современных факультетов... далека от классических идеалов созерцательной жизни».

Таково вкратце содержание первой главы, «Глобальный мультиверситет». Вторая претендует на то, чтобы изложить — в возможно более кратком виде — историю британских университетов. Крайние позиции заключаются, с одной стороны, в нытье о культурном упадке, с другой — в энтузиазме по поводу «инвестиций в будущее», «партнерства с бизнесом» и т. п. При этом автор солидаризируется с мнением Шелдона Ротблатта: мы «наблюдаем попытки определить идеал университетского образования, „соединив принципы и ценности, которые в основе своей имеют разные исторические корни и совершенно разные культурные смыслы и цели“». На этой пестроте и рыхлости высшего образования — как оно сложилось и живет — он постоянно будет настаивать. Динамика высока, и не было такого периода, который можно было бы рассматривать как «нормальный».

Европейские университеты начинались как учреждения церковные. Такой характер они сохранили в основном до Французской революции. «Те прогрессивные шаги в исследованиях и науке, которые постепенно преобразили интеллектуальный облик Европы раннего Нового времени, были сделаны в основном не в университетах, а либо в отдельных институтах и академиях, либо в независимых ассоциациях ученых джентльменов». Современный же университет — творение XIX в. и связан с гум-

больдтовской реформой. Когда-то безраздельное германское доминирование сменилось господством англосаксонской модели, где Америке была отведена более важная роль, нежели Британии. Автора интригует в этом контексте вопрос о будущих формах китайских университетов. Роль университетской формы высшего образования была велика в ряде прикладных областей (таких как медицина и инженерное дело) и подстегнула в них исследовательскую активность; важно было их участие в сертификации, что гарантировало обществу квалификацию допущенных к определенным профессиональным сферам. Но университеты существуют в поле напряжения между закономерностями развития науки и императивом удовлетворения местных нужд, и это противоречие никуда не девается; при этом местные нужды являются отправной точкой, а интересы чистого познания — направлением пути. К началу XX в. в Великобритании складываются институции трех типов: Оксбридж — гибрид клуба джентльменов и семинарии, шотландско-лондонская модель («столичная, профессорская, меритократическая») и гражданская (с утилитарной доминантой). «Вектор всегда был направлен к национальному, а не местному институту; к предложению полного спектра учебных предметов; к присуждению научных степеней... к поддержке как исследований, так и преподавания; к обладанию автономией и престижем, которые традиционно связывались со старыми университетами». Не будем приводить цифр экстенсивного роста. Гуманитарные дисциплины постепенно уступали свои позиции (например, в 2009 г. наиболее популярные в этой области дисциплины — английский язык и историю — изучали 60 и 52 тыс. человек соответственно, а предпринимательство и бухгалтерский учет — 330 тыс.). Рост финансирования дорогостоящих исследований в области естественных наук и медицины оставил гуманитарной и социальной области лишь жалкие крохи финансового пирога. Стефан Коллини датирует вторжение «всепожирающей культуры аудита» не менее точно, чем Луций Кальпурний Пизон — вторжение в Рим роскоши и гибель в нем целомудрия: это 1986 год, и с тех пор университеты стали «местами, менее пригодными для мышления и обучения». Резюмирует автор университетскую историю в виде следующей (отчасти не хронологической) цепочки: «семинарии, пансионы, колледжи государственных чиновников, хранители культуры, воспитатели гражданского чувства и центры научных исследований», а в конце — ООО. А пожелание, венчающее главу, — большая диверсификация с отказом как от обычного, так и от «перевернутого» снобизма, что логично подводит нас к спору полезного и бесполезного и к третьей главе, посвященной разбору классической книги — «Идеи университета» Джона Генри Ньюмена.

Автора, по-видимому, сильно раздражает статус канонической, которым обладает эта книга, несмотря на тесную связь

с обстоятельствами возникновения и вытекающей из них невозможностью претендовать на универсальность. С. Коллини выступает против соотнесения «бесполезных» предметов с элитным образованием, а «полезных» — с массовым и за демократизм высшего образования против ценностей старого доброго времени. Привлекательность книги вызвана высокохудожественным описанием того, что называют «либеральным образованием»; душе, воспитанной так, свойственны «свобода, справедливость, спокойствие, умеренность и мудрость». Скептический автор спрашивает: возможно ли это за три года студенчества? «Нам предлагается... нечто среднее между греческим полисом, аристократическим клубом, философским семинаром и изысканным салоном», — автор вновь проявляет незаурядное мастерство в выстраивании цепочек. Идеал, выстраиваемый таким образом — без внимания к познаниям студентов и приобретенным навыкам — оказывается увлекательным, но лишенным содержания (эта бессодержательность парадоксальным образом способствует универсальности). В данной системе координат противоположностью университетского знания будет не невежество как таковое, а знание, но одностороннее. Автор подчеркивает, что старая граница между «полезным» и «бесполезным» проходит не между предметами — любой из них в той или иной ситуации может попасть в любую рубрику, — а между способами преподавания и изучения. Практические цели устаревают, но формы исследования по крайней мере вливаются в новые, более широкие.

Таким образом «университет — это защищенное пространство, в котором различные виды полезной подготовки к жизни проводятся в условиях и манере, подталкивающих студентов к пониманию условности любой частной порции знаний». Образование «релятивизирует и постоянно ставит под вопрос ту информацию, которую обучение попросту передает». Однако современному университету для своего идеала нужен голос сопоставимой литературной мощи — и пока таковой не нашлось, имеет смысл не снимать портрет Ньюмена с каминной полки.

Четвертая глава посвящена характеру гуманитарных наук. Чуткий к разнообразию и пестроте автор отмечает, что у всех наук много общего и что — коль скоро уж приходится выделять группы — границы между ними прочерчиваются по-разному не только в разных странах, но и в разных университетах одной и той же страны. Способы классификации зависят не только от пространства, но и от времени. Определение дается следующее: «Сегодня наименование „гуманитарные науки“ охватывает собрание дисциплин, которые пытаются понять, невзирая на границы времени и культуры, действия и творения других людей, рассматриваемых в качестве носителей смысла, причем акцент ставится на предметы, связанные с индивидуальной или культурной отличительностью, а не на предметы, которые доступны прежде все-

го для описания в чисто статистических или биологических категориях».

Но если материал исследования примерно один и тот же, а появление нового — большая редкость, то чем, собственно, занимаются гуманитарии? Предаются, — отвечает автор, — состоянию интеллектуальной неудовлетворенности. Забегая вперед: проблематизация осуществляется не только с помощью нового материала, но и с помощью нового языка описания. Все добытое имеет лишь промежуточное значение (чуть раньше С. Коллини полагал способность к проблематизации отличительной чертой любого университетского знания вообще, и вряд ли он последователен, формулируя похожие тезисы для специфики гуманитарных наук). Мы стараемся приобрести старинные уши, но это *мы* стараемся, и суждения и восприятия столетней давности для нас недоступны (автор этих строк, при всей невозможности что-либо доказать, с этим тезисом поспорил бы). Ландшафт академических исследований расширился благодаря вопросам гендера и сексуальности. Споры о методах затрагивают порой глубокие вещи, но реакцией должно быть не обвинение гуманитарных наук в несостоятельности, но «признание того, насколько тесно работа в таких областях связана с самыми важными аспектами человеческого бытия». Отсутствие согласия здесь — фактор фундаментальный. Тут трудно обойтись без радикально левого выпада: «исследователи не могут и не должны быть свободны от интеллектуальных изменений, обусловленных жизнью в более разнородном обществе, в котором предпосылки, разделяемые некоторыми традиционными элитами, больше не пользуются безусловным одобрением». Правый упрек в политизации (и даже коррумпированности) отводится с этих же позиций: политические аспекты могут пребывать в латентном состоянии там, «где господствующий дискурс не встречает сопротивления». Забегая вперед, скажем: С. Коллини требует от университетских преподавателей активной гражданской позиции, что отличает их от независимого исследователя, поскольку их дело — кого назначать на должности, что должно преподаваться по программе и т. д.

Суждение о качестве затруднено и до определенной степени субъективно всегда, но в гуманитарных науках логика работы теснее связана с индивидуальностью автора. Признание интеллектуального качества не обязано сочетаться с методологическим согласием. Любая методология — лишь набор линз, и пользоваться ими можно с большим или меньшим умением. Или так: «ни одна методология в гуманитарных науках не может дать нам лексику и синтаксиса, которые были бы достаточно объемны, чтобы стереть *все* следы повседневного языка и идиоматики». Результатом здесь является скорее понимание, нежели знание. Оценкой же — суждение, а не измерение, и основания его нельзя

сделать до конца «прозрачными» (автор характеризует это прилагательное как «еще одно модное словцо из современного новояза образования», но отечественный читатель, скорее всего, не будет чувствителен к этому аспекту).

Для преподавания проекция этих мыслей дает следующий вывод: за исключением элементарных вещей, в гуманитарных науках это ученичество. Этот контакт не заменяется «исследовательскими навыками». Это не снаряжение средствами обработки информации, а вовлечение в дискуссию. «Критика», которую сейчас считают необходимой для гуманитарных наук и которая вычисляет, на чью мельницу льет воду принятие тех или иных исходных посылок, иногда бывает полезна. Однако «способность учитывать существование большого мира» не всегда бывает своекорыстной. И лучше направить скептицизм не на изучаемые фигуры, как часто бывает, а на объяснительные механизмы.

Апология гуманитарной области отложена на конец главы. Она не всем и адресована: «общество, где люди не пытаются определить и уточнить опыт других людей, в которых отчасти они узнают себя, никогда не удастся убедить в пользе изучения гуманитарных дисциплин». Лучше иногда бывает предложить разделить собственный восторг, нежели переписывать свою деятельность на чужом языке. И, отвергая этот аспект утилитаризма, С. Коллини подводит нас к следующей главе, где будет рассуждать об университете как об общественном благе.

Он ссылается на мысль Торстейна Веблена: университет есть корпорация, которая взращивает и отстаивает высочайшие общественные представления, — и в идеале, и в народном мнении. Оправдания нужны в ситуации отсутствия самоочевидного смысла, и в этом недостаток любой интеллектуально-оборонительной позиции. Она исходит из предполагаемой враждебности аудитории; на официальном уровне, со стороны административных сфер это может быть так, но есть еще широкий слой разумных членов общества, заинтересованных — по множеству разных причин — в том, чтобы было место, где исследования осуществляются на высочайшем уровне.

Но в общественных обсуждениях многое крутится вокруг вопроса о финансировании. И здесь доминирует «консюмеристский» критерий: полезно то, что увеличивает общественное благосостояние. В рамках эгалитаристского этоса нетрудно отступить на позицию, с точки зрения которой университет может быть оправдан, только если доказан его вклад в экономику. Автор называет такой подход экономическим филистерством. Он отвергает вклад в экономику как ведущую цель образования. «Если мы в итоге вынуждены будем сказать, что в обучении игре на скрипке ценно то, что оно поможет развить гибкость пальцев, полезную для машинописи, — значит, мы поставим перед лошадью не одну телегу, а целую вереницу».

Университеты — проблема для правительств. В популистских демократиях власти считают, что электорат воспримет лишь утилитарные оправдания. Функция сохранения культуры тоже находит некоторый отклик. Социализация и прививка гражданских ценностей как университетская задача популярны в США и во Франции, но в Британии большинство не видело потребности в такой прививке. На десерт остается пресловутая «социальная мобильность»: больная неравенством совесть общества пытается подменить ростом числа студентов преобразования в распределении богатства. Эта — и другая — аргументация применяется к разной аудитории и в разных обстоятельствах; очевидным образом разные доводы из ее арсенала противоречат друг другу.

Рыночным демократиям трудно примириться с идеей иерархии. У университетов нет таких преимуществ, как в области спорта высоких достижений или балета; там общество идет на уступки. Но здесь предел того, что было бы продуктивно отстаивать перед публикой. Оправдание университетов — за рамками тех инструментальных целей, которым они служат. Вопрос в языке.

Если в защиту университетов выдвигать только утилитарный критерий, то достойными поддержки окажутся те виды деятельности, которые удовлетворяют ему лучше, и это будет не то, чем занимается университет. Кроме того, этот критерий — пишет автор — колонизирует наше сознание. Если поэкспериментировать с речами политиков на эту тему и убрать оттуда «процветание», «конкурентоспособность» и проч., оставшийся ландшафт будет обезображенным и пустынным. К тягачу с вывеской «мастерство» уже не прицеплена пушка, а знамя культуры поблекло. Если бы мифическое существо «налогоплательщик» было таково, как оно представлено в мифе, ему давно пришлось бы вымереть. Когда университеты просят о поддержке своих бывших выпускников, они не увлекаются утилитарной демагогией. Если стоять на позиции «частного блага» — не получающие пользы от университета не должны поддерживать его своими налогами, — многое можно закрыть; но можно признавать ненужное лично тебе нужным для общества в целом; это убеждение разделяют многие — или разделяли бы, если бы оно было доходчиво обосновано. Защита университетов должна быть представлена в качестве общего дела. Но важно, чтобы это общественное благо не сводилось к экономическому. «Дискурс обычно структурируется так, чтобы приравнять неэкономическое к частному, а экономическое — к общественному» (эта реплика глубже и шире, нежели, возможно, представляется самому автору). Экономический эффект Шекспира — суммарный — очень высок; но если бы он был вдвое ниже, уменьшилась ли бы оттого его литературная ценность? Сложить все яйца в экономическую корзину — большой риск, особенно для гуманитарных наук. Не стоит ни увлекать-

ся изменениями в структуре дисциплин (на самом деле она более консервативна, чем кажется), ни вносить коррективы в связи с решительным ростом доли молодых людей, получающих высшее образование; это не влияет на их миссию, и правильная концепция университетов может только приветствовать это расширение.

Далее повествовательная логика приводит автора к рассмотрению вопроса отчетности перед мифологемой «налогоплательщика». Вопрос качества и его оценки — вопрос «компетентного суждения». С. Коллини иронизирует над «доставкой» (the delivery) программы; русский язык не дает пищи для подобного каламбура, у нас издеваются над «образовательными услугами». Сдержанный британский юмор маскирует сдержанную британскую ярость: перед нами «опора на контролируемые обществом процедуры как замена разумного обсуждения». «Но должно быть ясно, что в какой-то момент все же придется принимать решения в тех категориях, которые не зависят от риторики „целей и задач“». Автору этих строк данный тезис, напротив, категорически «неясен», и на чем основывается оптимизм — понять трудно. Более глубокий уровень заключается в противоречии: университеты хвалят за «креативность» и критикуют за «самовлюбленность»; «проявите оригинальность — но должным образом». Правильный ответ заключается в том, что сама экономика — не цель, а средство, позволяющее нам делать вещи, которые представляются по-настоящему важными. Цель и средство должны поменяться местами.

Таково содержание первой, теоретической части; вторая призвана конкретизировать ее тезисы. Начинает С. Коллини с констатации «масштаба невежества, непонимания и враждебности». Одно из обвинений как раз и заключается в пассивности: если вы не желаете разъяснять обществу свою деятельность, то пеняйте на себя, столкнувшись с последствиями. На самом деле молчания не было; но высказанная критика игнорировалась (свидетелю образовательных реформ в РФ очень легко экстраполировать эти соображения на собственную ситуацию). Общие места приобретают необычайную серьезность и глубину. И первый раздел второй части посвящен библиометрии. Университетскую «производительность» не измеряют — о ней судят. Какова адекватность категорий описания? «Исследование» — само по себе не очень подходящее слово для гуманитарных наук. Тут было бы уместнее «культивирование понимания», «поддержание и расширение культурного наследия», «критическое размышление о глубочайших вопросах человеческой жизни». Публицистика Коллини иногда наталкивает на мысль, что он читал нашу сегодняшнюю блогосферу: «Куда отнести такие виды деятельности... как составление словарей или редакция текстов?». Категориальный аппарат новомодной библиометрии лишь затруд-

няет коллегиальную оценку; квалифицированному специалисту придется его отбросить, использован он быть может лишь теми, у кого нет достаточной квалификации. А уж «индекс цитирования» в самом себе содержит инструкцию по преодолению себя. «Этос, поддерживаемый чрезмерной оценкой количества публикаций, будет оказывать пагубное воздействие на другие суждения, которые мы в академической жизни должны то и дело выносить» — не считая того, что он враждебен большим проектам. При этом, хотя вводящие подобную практику хотят уподобить британскую интеллектуальную жизнь американской, как раз лучшие американские университеты могут «проявлять достаточную гибкость и дополнять оценку библиографии компетентным суждением».

В следующем разделе — «Бизнес-аналогия» — нам сообщается, в частности, следующее: «Декларация о миссии представляется в ярком „Ежегодном отчете“, который мой университет публикует теперь каждый год». Нас удивляет отмеченный здесь факт: в Российской империи вузы — от Императорского Московского университета до Казанского ветеринарного института или Томского политехникума — публиковали такие отчеты, и это ни у кого не вызывало мрачных ассоциаций. Неужели практика британских университетов была кардинально иной? Правда, сам отчет напоминает рекламный проспект. Аналогия между университетом и корпорацией обладает лишь ограниченной работоспособностью. В связи с обычными обвинениями в лени и дармоедстве автор роняет реплику, которая впервые показалась нам оригинальной и не сводимой к домашним дискуссиям: «система контроля, нацеленная на то, чтобы люди не перетруждались, на самом деле принесла бы больше пользы в плане так называемой эффективности». С моральной точки зрения весьма привлекательно и осуждение поощряемой конкуренции: плодотворнее «сотрудничество и общая преданность делу».

Здесь перед нами предстает фигура Сократа. Автор взял бы его на работу как перспективного члена академического сообщества — хотя провести собеседование с ним было бы нелегко. Но публикационная активность не дала бы для этого оснований. В Афинах были граждане, а не налогоплательщики; это само по себе повышает уровень дискуссии. Однако кадровое решение, принятое в отношении Сократа афинскими гражданами, в чем-то сродни современному «пораньше выйти на пенсию». И еще важный аспект: университеты не являются конкурирующими фирмами просто потому, что они вообще не фирмы. За сократовской аналогией идет монастырская: в отчете указан рост эффективности за счет того, что заутрени начинаются раньше, и ревностного настоятеля назначают руководить «Агентством гарантии духовного качества». Так официально должна называться инквизиция. *Некоторые* аналогии, утверждает автор, не такие

уж ошибочные. И если трезвый работодатель предпочтет специалиста по средневековой истории специалисту, изучавшему маркетинг, то не из-за лукавых формулировок в рассуждениях о пользе, а потому, что умный и талантливый юноша предпочтет первый тип образования второму. Это может быть важнее и полезнее, нежели специализированные навыки. И пригодность результата университетского обучения для потенциального работодателя — не тот аргумент, который пригоден для существования университетов. Здесь автор прибегает к спортивной аналогии: навыки широкого применения, описания которых от него требуют, сродни «способности вдыхать большое количество кислорода, чтобы кровеносная и дыхательная система работали с большей отдачей» при описании тренировок. Мольер прав: способность опиума вызывать сон объясняется его усыпительными свойствами. «Реальный мир» в рамках этой логики — совершенно вымышленное место (не беру эти три слова в кавычки, поскольку они оказались бы двусмысленными, но это цитата). В этом «реальном мире» обитают нестигаемые роботы, занятые исключительно тем, что делают деньги. «Навыки широкого применения» — побочный продукт работы, но не ее цель¹.

С. Коллини приводит свои записи в «Дневнике дона» (рубрика университетского журнала для выпускников). Утешение: «Реальное значение имеет не непосредственная реакция на труд, а то, сыграет ли он свою роль в будущем, разбудит ли какие-то идеи в читателях, которые, возможно, воспользуются им, чтобы сделать свои книги чуть лучше». «Одна из многочисленных нелепостей культуры аудита, все больше заправляющей в наших университетах, состоит в ее стремлении ликвидировать этот огромный фонд доброй воли».

Вернемся к проблемам популистской демократии. С. Коллини, разбирая правительственную «Белую книгу», отмечает: доступ в университет — одно из немногих благ, которые нельзя просто купить за деньги (в отличие, скажем, от лучшего школьного образования). Сравнение ситуации с детьми из интеллигентных семей и семей работников физического труда автор считает скандальным; впрочем, показатели смертности — в еще большей степени. Но серьезное мышление было заменено в публичных

¹ В этом месте авторских рассуждений есть пассаж, который представляется нам очень важным, но который мог бы быть исключен нашей — неизбежно спрямляющей — логикой описания. Процитируем его здесь: «В то же время я хорошо понимал, что в своих академических публикациях авторы достаточно часто тратят немало сил на то, чтобы замести следы: в них представляются аргументы и данные, подтверждающие основной тезис, а не хаотичный и непрямой процесс, посредством которого можно прийти к определенной позиции, и не отношение этого процесса к другим обязанностям автора».

спорах пустыми лозунгами об «элитизме». Между тем именно экзаменаторам учить абитуриентов, и если кто и заинтересован в качестве интеллектуального отбора, то они в первую очередь. Неверная журналистская посылка — то, что хорошие оценки в аттестате должны гарантировать поступление, в то время как с такими данными по несколько абитуриентов на место. Привилегии статуса будут — это добыча легкая — подвергаться атаке, а реальные классовые различия будут закреплены еще сильнее. Между тем норматив — 50% возрастной когорты — не основан ни на чем, кроме электоральной демагогии. Пусть это происходит, но где-нибудь в другом месте, не в традиционном университете, а в заведении с чисто утилитарными целями. А что означает право студента на выбор лучшего места для учебы? Если есть худшие, то очевидно, что и права такого в действительности нет. Если в результате применения права все места станут лучшими, то как осуществлять выбор? Да не развлекается ли министерство собственными шутками? Когда автор называет слово «модернизация» фирменным знаком жаргона новых лейбористов, можно было бы (если бы речь не шла о лейбористах) вообще забыть о том, что книга написана не в РФ, но это, разумеется, не случайное совпадение, а закономерное проявление одной и той же тенденции в разных (или, может быть, уже не таких разных?) контекстах. Автор, верный своим мыслям о сотрудничестве и солидарности в академической области, выступает за незначительную дифференциацию зарплат. Что же касается сравнения заработка выпускников с обществом в целом, то здесь он саркастичен: «Нам дают понять, каким может быть критерий решения вопроса о том, на каком уровне ограничивать распространение высшего образования: должно остаться достаточно людей, на которых можно смотреть сверху вниз, чтобы вообще был смысл оканчивать университет». Университеты всего-навсего ничего не могут сделать со структурой систематической несправедливости. Но к образовательному дарвинизму и идеям конкуренции автор относится еще с большей резкостью — даже не считает для себя нужными одежды иронии.

Следующий раздел посвящен катастрофическому влиянию импакт-фактора на гуманитарные науки. Не говоря о том, что импакт образцовой работы может быть равен нулю, остается вопрос: «Почему факультет, исследования которого подхватили на стороне, должен получить более высокую оценку (и большее вознаграждение), чем какой-то другой факультет, которому с этим не повезло?». Сам шанс публичного отклика будет оказывать искажающее влияние на тематику исследований, приведет к учету «рыночного потенциала». На гипотетических примерах С. Коллини демонстрирует исследовательские стратегии: один исследователь покоряется, пишет планы и отчеты, его научная продуктивность падает; второй, столкнувшись с требова-

ниями не делиться информацией и с предупреждениями об отказе в финансировании, если не будет предъявлено «доказуемой величины импакта», переходит на административный пост, третий не желает бороться со всем этим идиотизмом и переезжает в Америку.

Последняя глава — рассмотрение доклада лорда Брауна, по существу, формулирующего позицию, что «мы больше не должны думать о высшем образовании как об обеспечении общественным благом, определяемом суждением специалистов из сферы образования и финансируемом в основном государственными средствами... Вместо этого мы должны думать о нем как о слегка регулируемом рынке». Автор выступает за многообразие и пестроту: не нужно непременно подражать традиционным университетам с репутацией. Рынки же со своей стороны «воспроизводят или даже усиливают существующее распределение экономической власти»; ожидать от них чего-то положительного в области социальной справедливости не стоит. Что же касается права студента на суждение о том, что он хочет получить от высшего образования, то это демагогический постулат. (Здесь автор возвращается к прозвучавшему ранее требованию «неудовлетворенности».) Очевидная неприменимость рыночного критерия к некоторым дорогостоящим областям (например, к медицине) заставляет ограничить его применение; но в рамках избранной идеологии противоречие оказывается неустрашимым. Автор доклада предлагает прекратить финансирование преподавания гуманитарных дисциплин в силу их меньшей роли в научно-техническом прогрессе; последние страницы главы обращают эту логику в пародийном ключе. И в эпилоге, настаивая на других отправных точках зрения, нежели экономика и финансы, С. Коллини напоминает о функции «передачи последующим поколениям интеллектуального, научного и художественного наследия человечества». Университеты воплощают альтернативную систему ценностей; последняя оказывается их фундаментом. И внимание к ценностям высшего порядка должно напомнить об этой охранительной функции — не мы создали это наследие, не нам его и разрушать.

Такова сумма идей рецензируемой книги. Очень многое в ней показалось нам описанием современной ситуации с высшим образованием в РФ (помню обмен мнениями с одним итальянским коллегой: «Наши обезьяны всегда подражают наихудшему, что только можно найти»). Некоторые важные вещи (например, противопоставленная соревнованию конкуренция и общий контекст сотрудничества) в отечественном поле либо отсутствуют, либо представлены маргинально, и за концентрацию внимания на таких вещах автора хочется поблагодарить от всей души. Очень многое представлено в удачных и убедительных формулировках, имеющих самостоятельную ценность, несводимую к ценно-

сти высказанной мысли. Если большинство сказанного не показалось нам оригинальным, то это нельзя ставить автору в упрек: между правильными решениями одной и той же задачи всегда будет существовать значительное сходство. Остается лишь один аспект, на который хотелось бы обратить внимание.

Чудовищная бюрократизация образовательной сферы связана с попыткой управлять ею, не понимая ее сути и принципов функционирования (дайте нам объективные циферки, чтоб мы поняли, что лучше, кто хуже!). Это старый конфликт «людей» и «учреждений» (решенный в пользу учреждений еще в Римской республике). Европейская цивилизация была цивилизацией учреждений; ее сила в течение веков заключалась в том, что гениальным инициативам и поспешным попыткам решительно определить человеческие судьбы было кому сказать «нет». И вмешательство бюрократии в автономную университетскую жизнь — не всегда зло; мы и знакомы на практике с сюжетами, когда профессорская корпорация своими решениями сознательно вредила делу, и знаем в теории, что, поскольку даже и в сфере высшего образования талант встречается реже бездарности, университеты будут сознательно открывать свои двери перед партийно близкой посредственностью, захлопывая их перед самостоятельным гением (этим фактором, в частности, вызвана современная роль марксизма в гуманитарных областях). И вот оказывается, что учреждение неработоспособно в принципе, что нам нужны люди, — в этом смысле разобранный нами текст представляет собой прекрасный повод заново обдумать эту более чем двухтысячелетнюю проблему.

The Democratic Scaffold and the Economic Axe*Review of the book: Stefan Collini. What Are Universities For?***Alexey Lyubzhin**

Author

Doctor of Sciences in Philology, Research Fellow, The Rare Books and Manuscripts Section of the Moscow State University Research Library. Address: 9 Mokhovaya str., 103073, Moscow, Russian Federation. E-mail: vulture@mail.ru

A detailed analysis of the author's judgments on the key issues covered in the book—the functions of contemporary university, cooperation and competition, the “egregious audit culture”, the nature and meaning of the humanities, assessment of humanities research quality, the impact factor, and university financing—has shown that many situations actually describe the existing education system in Russia.

Abstract

higher education, university, institutional autonomy, globalization, ranking, impact factor, competition, humanities, education financing.

Keywords